

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ДИСПУТЕ «УПАДОЧНОЕ НАСТРОЕНИЕ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ (ЕСЕНИНЩИНА)» 5 МАРТА 1927 г.

Публикация Ф. Н. Пидкель

Диспут «Упадочное настроение среди молодежи» состоялся 13 февраля и 5 марта 1927 г. в Коммунистической академии. Председательствовал на диспуте В. М. Фриче, доклад и заключительное слово произнес А. В. Луначарский. Маяковский выступал два раза — 13 февраля и 5 марта. Стенограмма диспута была издана отдельной книжкой (М., изд. Комакадемии, 1927), в которой опубликовано только первое выступление Маяковского; впоследствии оно вошло в собрания сочинений поэта. Выступление же Маяковского 5 марта до сих пор не печаталось, его стенографическая запись обнаружена нами в московском отделении Архива Академии наук СССР (ф. 350, оп. 1а, № 151) и публикуется здесь впервые. В этом же фонде находится и неуправленная стенограмма первого выступления Маяковского, которая местами значительно отличается от опубликованного текста. Стенограмма второго выступления автором также не выправлена; она записана не вполне удовлетворительно и содержит пропуски.

Товарищи! Конечно, причины возникновения упадочных настроений чрезвычайно глубоки, и форма проявления этого упадочничества чрезвычайно различна. Я буду касаться опять-таки только своей специальности — литературы, и не беря корней, буду брать только проявления.

Во-первых, меня очень удивляют некоторые выкрики аудитории нашей, весьма квалифицированной аудитории. Она предполагает, что литературная жизнь такова, что если поэт выступает против другого поэта, то это только потому, что хочет себя вырисовать замечательным, и если я выступаю против Есенина, то, чтобы сказать, какой я хороший. (С места: «Правильно».) Другой возможности соперничества не предполагают. Должен сказать, что ни Асеев, который выступал против Есенина¹, ни я, ни другие — мы никогда не рассматривали поэтическую персону, как какую-то руководящую персону в нашей жизни. Мы знаем, что литература для нас это упряжка, мы упряглись все и не разбираем, у кого больше этих самых поэтических или лошадиных сил на две, на три, на четыре. Поэтому для нас вопрос индивидуальных оценок — это вопрос очень не большой. Поэтому вопросы вы можете не орать и не спрашивать: «А вы как? А вас мало читают! Не интересуются!». Если бы мной не интересовались совсем, это моей позиции по отношению к Есенину не меняет.

Дальше, к сожалению, мне приходится говорить против Полонского², кстати сказать, объект достаточно убогий для этого дела. Почему убогий? Величайший пессимизм и упадочничество вызывает, когда руководитель большого нашего журнала говорит в общественном выступлении абсолютно невероятные вещи, то есть вещи вероятные, но невероятные со стороны редактора нашего журнала. Это поповство было на 100%³ и несколь-

ко месяцев тому назад это поповство повторилось на вечере Есенина⁴, где он говорил какую-то чушь, о какой-то эллинской *(пропуск в стенограмме)* и что-то было запутано с христианством. Но даже то, как он сформулировал свою мысль. Ему понравился этот блестящий афоризм и он, полемизируя против Асеева, сказал: «Есть поэты, которые живут для того, чтобы писать, и есть поэты, которые пишут, чтобы жить», — и указывал на Асеева. Я больше всего люблю поэтов, которые пишут для того, чтобы жить и все свои действия, все свои силы и возможности я, конечно, буду направлять на улучшение своих стихов о нашей жизни и не буду жить для того, чтобы попеть песенки и уйти. Я очень рад, что в этом отношении Полонский мило соприкасается с крикунами о Моссельпроме. Он говорит: «Что это за песни? Это всё для того, чтобы кушать, а вы дайте что-нибудь для души, для красивых переживаний!». По этой специальности существует Полонский. *(Аплодисменты.)* Сегодня Полонский на 100% опровергает, разъясняет нам своё прошлое поповское заблуждение, причем замечательно: пятнадцать минут человек занимает аудиторию, чтобы сказать следующую вещь: «Формулирую свою мысль: человек должен уважать человека». Если это отрепье можно назвать мыслью, то во всяком случае не своей мыслью.

Дальше, замечательно интересная заключительная часть. Вопрос о поповстве он дома обдумал и решил, что в этом отношении он действительно неправ. Но тут его другой вопрос подкузьмил, а именно, что коммунизм вырастает на чувстве любви. Кажется, такую меланхолическую базу для развития коммунизма опять-таки при максимально упадочных настроениях трудно найти. *(Аплодисменты.)*

Теперь, поскольку вопрос касается Есенина и есенинщины... *(т. Полонский: «Это хулиганство, такие передержки».)* Меня обвиняют в недисциплинированности, когда я только слабо пишу, а человек выдвигает слово явно уголовного порядка: хулиганство. Я знаю, что такое хулиганство. Хулиганство — это озорные действия, связанные с неуважением к личности⁵. Это точная формулировка. Я полемизирую по вопросам литературы, и когда нет выражения своей мысли в области литературы, разрешите мне называть ее так, как она на самом деле есть. *(Шум.)*

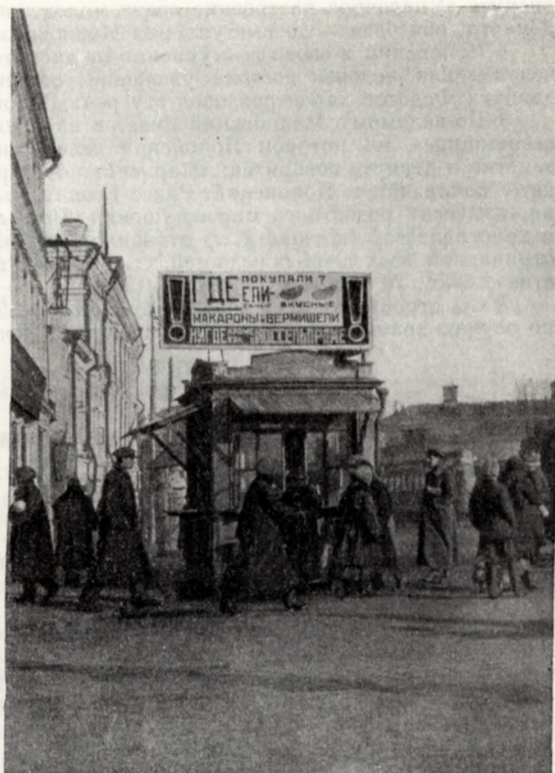
По вопросу об есенинщине я глубоко убежден, конечно, что Есенин сам по себе не так страшен и не мог бы быть так страшен, как есенинщина. Конечно, есенинщина производное от Есенина, потому что многие идеализируют в этом отношении Есенина, а он не имеет никакого отношения к этому. Но на множество процентов это результат дальнейших популяризаторов, дальнейших пропагандистов Есенина. Нельзя же все-таки скрывать такой факт, что выступавшие товарищи, и т. Бухарин в своих заметках выступали не только против есенинщины, а против Есенина, против Есенина самого, как он есть⁶. И вот нам сплошь подменяют понятия, выставляют просто есенинщину, для того, чтобы спасти свой собственный розовенький есенинский вкусик. Две-три недели тому назад прозвучала статья т. Бухарина. А возьмите, посмотрите журнал «Красная нива». Первые четыре стихотворения — Есенина⁷. Как будто среди наших поэтов нет достойных для помещения на первой странице журнала. Не Маяковского, многих других. *(С места: «Вы говорите не по существу».)* Я говорю по существу, по поводу Есенина и есенинщины и возможности его влияния на упадочные настроения. В сегодняшнем номере — стихотворения Дружинина⁸, того самого Дружинина, против которого как раз на 100% ополчился т. Бухарин. Там он пел про царевича Ивана Дурака, а тут про Аленушку. Это как раз соответствует тому, что база для коммунизма — это любовь к человечеству. Я бы не стал выступать сегодня еще раз, но был вынужден выступить двумя обстоятельствами. Первое обстоятельство — это мое желание понять вопросы упадочничества потому, что мне

ВЫВЕСКА МОССЕЛЬПРОМА НА
СЕРПУХОВСКОЙ (ТЕПЕРЬ ДОБРЫ-
НИНСКОЙ) ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ
ТЕКСТ МАЯКОВСКОГО,
ОКТАБРЬ 1924 г.

Оформление А. М. Родченко

Фотография

Собрание В. Ф. Степановой, Москва

нужно сейчас писать фильму для комсомола по вопросу об упадочничестве. Я сейчас пишу историю одного нагана, как боевой наган берется в руки, чтобы покончить с собой⁹.

И второе. К этому меня вынуждает Полонский, как это ни странно. Почему? Потому, что Полонский, пользуясь своей солидной литературной трибуной, старается перенести <вину> на ни в чем не повинных людей <далее пропуск>. С чрезвычайной легкостью товарищ Полонский прикидывается и уходит за спину любого положения, хотя оно к нему не имеет никакого отношения. Вот Бухарин выступил против Есенина. Наибольший любимец <любитель?> Есенина в нашей литературе — Полонский. Он сразу стал за Бухарина и говорит: я сам всё это говорю¹⁰. И переносит всю тяжесть обвинения на Леф, придрался к статье Родченко¹¹. Это литературный факт, ведущий к тому, что литераторы, интересующиеся литературой как орудием классовой борьбы, начинают говорить: на кой черт мы будем этим заниматься, когда легко писать про водку и пиво, как у Полонского в журнале. Зачем мы будем писать против Есенина, когда можно ругать Леф. Это, товарищи, поскольку мы говорили на литературную тему, о влиянии упадочничества на поэтов. Это чрезвычайно важный факт, и товарищам, из которых несомненно в будущем выйдет масса блестящих журналистов, над этим фактом задуматься следует. (Аплодисменты.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Маяковский говорит о выступлении Н. Н. Асеева на диспуте «О Есенине и есенинщине», который происходил 20 декабря 1926 г. в театре имени Вс. Мейерхольда.

² Вячеслав Павлович Полонский (1886—1932) — литературный критик и публицист, редактор журналов «Новый мир», «Красная нива», «Печать и революция». На

диспуте «Упадочное настроение среди молодежи» Полонский выступал 13 февраля и 5 марта, оба раза — до выступления Маяковского.

⁸ Полонский в своем выступлении на диспуте 13 февраля утверждал, что «каждый человек как человек достоин уважения, достоин признания». Один из участников диспута Федотов характеризовал эту речь Полонского как «шоповскую».

⁹ По-видимому, Маяковский имеет в виду указанный выше диспут «О Есенине и есенинщине», на котором Полонский делал доклад о поэзии Есенина. В газетной заметке о диспуте говорится: «Марксистское определение есенинской поэзии пытался дать докладчик т. Полонский. Ранее Есенин был поэтом радостного восприятия жизни, язычески радостного мироощущения. Первый удар этому был нанесен церковью и христианством, которые <...> отравили его жизнерадостность мистической скорбью, отрицанием всех земных радостей. <...> Есенин вне своих песен не мог жить». («Известия», 1926, № 296, от 22 декабря).

⁵ Ср. строки из стихотворения Маяковского «Моя речь на показательном процессе по случаю возможного скандала с лекциями профессора Шенгели» (1927 г.):

...хулиганство —
 это озорные деняня,
 связанные
 с неуважением к личности.

⁶ Имеются в виду «Злые заметки» Н. Бухарина, напечатанные в «Правде», 1927, № 9, от 12 января.

⁷ Четыре стихотворения С. Есенина напечатаны на первой странице «Красной нивы» 1927, № 9, от 27 февраля.

⁸ Стихотворение П. Дружинина «Аленушка» опубликовано в «Красной ниве», 1927, № 10, от 6 марта.

⁹ Сценарий «История одного нагана» был сдан Маяковским осенью 1927 г., в Московское представительство ВУФКУ (Всеукраинского Фотокиноуправления).

¹⁰ Маяковский говорит о статье В. П. Полонского «Заметки журналиста. Леф или блеф?» в газете «Известия» № 46 от 25 февраля и № 48 от 27 февраля 1927 г.

¹¹ В журнале «Новый Леф», 1927, № 2, были опубликованы письма Родченко из Парижа («Родченко в Париже. Из писем домой»), которые подверглись уничтожающей критике Полонского в упомянутой статье.